

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОГО КИНО

Культура. - 1993. - 11 сен. - С. 11.

5/5

БЕЗ МАСКИ АДВОКАТА ТЕРРАЗИНИ

«Век мой, зверь мой», «Век волкодав», жестокий век концлагерей и фашистских диктатур, исполненный постоянной и смертельной борьбы,— а ведь когда-нибудь напишут и про него: «Старый добрый двадцатый век...»

Французский актер Франсуа Перье — телезрители хорошо знают его по роли адвоката Терразини в телесериале «Спрут» — родился в 1919 году. Завидная творческая судьба — роли в фильмах классиков французского и итальянского кино — Марселя Карне, Рене Клер, Жана Кокто, Алена Рене, Марио Моничелли, Федерико Феллини. Огромная популярность во Франции. Трагательная дружба с одним из философских гениев XX века — Жан-Полем Сартром. Любопытно, что к Франсуа Перье проявили интерес и режиссеры, приведшие в 70-е годы, как, например, Ален Корно...

Наследник подлинно французских традиций, артист, обладающий высокой культурой, достойный современник Луи Жуве, Жана Марса, Жана Габена, Жюля Берри, Франсуа Перье — представитель той солнечной ветви искусства нашего столетия, которая всегда боролась с черными силами тьмы. И это — невзирая на мрачноватое впечатление, которое создал о нем на наших

Фото из журнала «Пари-матч».

Перье
Франсуа

голубых экранах нескончаемый «Спрут»...

Интервью с Франсуа Перье, предлагаемое читателям, взято из еженедельника «Пари-матч».

— Вы не выходили на сцену уже три года. Вы боитесь?..

— Да, немного. Но, знаете ли, страх — необходимое зло, без него никак нельзя. Я всегда немного боялся, и если вдруг однажды, не знаю уж по какому мановению Святого Духа, мой страх пропадет, это меня совсем обескуражит.

— А когда вы играли маленького Иисуса, вы боялись тоже?

— Нет. Это была лучшая роль во всей моей карьере. Одна из моих теток, которая была роялисткой, христианкой и к тому же весьма предприимчивой дамой, страстью любила театр. Она затеяла домашнюю постановку живых картинок на темы Евангелия и жизни Христа. Кроме меня, в труппе были также мой отец и моя мать. Тогда мне было два с половиной годика. Мне пришлось лежать в яслях и играть вместо другого актера своего же поколения, который должен был изображать младенца Иисуса, но ухитрился схватить насморк. Я был необыкновенно послушным маленьким Иисусом — до того момента, когда в одном из волхвов, под его черной бородой, я узнал моего отца и закричал: «Папа!» Такова была моя первая театральная эмоция — я вызвал комический эффект и я этому очень рад. Смех играет первостепенную роль в нашей жизни, он обезоруживает людей.

— И делает их актерами!

— В моем случае — пожалуй. Я, впрочем, часто спрашивал себя, что я мог бы еще делать. Я представляю своих современников в роли партнеров, и, по-моему, многие из них играют неважно. Хотя времена от времени попадаются люди талантливые, которые могли бы работать в театре...

— Ваша широко известная склонность к остротам сыграла с вами однажды плохую шутку — вспомните Луи Жуве...

— О, да, это было за пятнадцать дней до вступительных экзаменов в консерваторию. Я отрабатывал роль Скапена и полагал, что я в полной готовности. «Но ты хочешь что-нибудь изобразить под Симона? — нетерпеливо спросил Жуве. — Иди же!» Я был убежден, что играю в надлежащей манере, но, когда закончил, ответом была ледяная тишина. А потом Жуве прошипел: «Если бы тебя слышал Мольер, он ушел бы обратно в могилу». И я не смог удержаться, чтобы не возразить ему его же собственным способом: «Да он уже там, — сказал я, — ибо он вчера видел вас в «Школе жен»!» Жуве молча указал мне на дверь, и я ушел, гордый и бледный. Этот человек всегда вызывал у меня безграничное восхищение, и я очень жалею о своей несдержанности.

— А ощущение «черной дыры» вам знакомо?

— Конечно, как и всем. Это трагическое ощущение. Но это и всегда твоя ошибка, твое не внимание. Если не сконцентри-

роваться полностью, то не удастся выйти из своих собственных границ, и это опасность. Бдительность, готовность к внутренней концентрации в любой момент должна быть почти молитвенной.

— Как вы познакомились с Сартром?

— Кажется, это было в 48-м. Я встретил на улице друга, администратора Театра Антуан. Он был с маленьким человечком, у которого был вид важного профессора, а его глаза показались мне похожими на маленькие солнечные бездыны, озарявшие все лицо. Не представившись, он сказал мне: «Мы не знакомы, но вот я написал пьесу, и мне посоветовали отдать ее актеру Франсуа Перье». Вручил мне рукопись, сообщил свой номер телефона и намекнул, что это неотложное дело. Рукопись называлась «Грязные руки». Я прочитал ее с бешеною скоростью. В два часа утра, закончив чтение, я не смог заснуть и позвонил Сартру, сказав, что я принимаю роль. Он немедленно откликнулся. «Я хочу прочитать вам пьесу так, как я ее прочувствовал», — сказал я. — Хотите прямо сейчас? Я был у него часом позже. Он открыл дверь. Я читал два часа. Это было началом большой авантюры и чудеснейшей дружбы. Сартр был сама доброта, сама мягкость. Он научил меня терпимости и любви к людям. Он был единственным, кто никогда не лгал. Спустя две недели после смерти Жан-Пьера, моего сына, он пригласил меня в гости. Первое, что он спросил, — это: «Вы его любили?» В подобных обстоятельствах кто бы еще осмелился так спросить? Я ответил: «Да». И тут же говорит мне: «Ну тогда и рохля же вы. Вы рохля, слышите? Раз так, это должно было с вами случиться». Я очень нуждался тогда в том, чтобы со мной говорили именно так. Впрочем, неизвестно, что было бы, если бы со мной так стал говорить кто-нибудь другой.

— Как вы реагировали, когда Жаклин Порель оставила вас одного с тремя детьми?

— Скажу вам правду: я ничего больше от нее не хотел. Потому что у меня уже был драгоценный человеческий опыт. Я не хочу никому давать советов или служить примером, но если, время от времени, мне было хорошо, то благодаря этому опыту. Я вошел в противоречие с теми возможностями, которые сам не соизмерил, она ведь хотела, чтобы я все взвалил на себя. И я ничего от нее не хочу, ибо все это меня уже внутренне обогатило. В конце концов я был куда более несчастным, когда мы жили вместе и она меня обманывала...

— Как вы хотели бы умереть?

— В добром здравии. Не слишком мучиться и прожить как можно дольше. Ибо на этом свете я знаю, что у меня в руках, но мне не дано узнать, что меня ожидает потом.

Материал подготовил
Д. САВОСИН.